

Олег Соловов

**ЖИРИК:
ИСТОРИЯ
НЕ ОДНОЙ ЖИЗНИ**

Повесть о настоящей собаке

Москва, 2013
Издательство «Буквика»

УДК 82-3
ББК 84
О-53

Олег Соловов
О-53 **Жирик: история не одной жизни: повесть о настоящей собаке / Олег Соловов –**
М.: Книга по Требованию, 2013. – 276 с.

ISBN 978-5-458-78214-2

Книга о Жирике, но не о В.В.Жириновском, она о собаке породы чау-чау по имени Жирик, о многих его перерождениях, в одном из которых ему пришлось окунуться в недавнюю политическую жизнь России. Книга расскажет о всяких тибетских чудесах, битвах с демонами, горном монастыре, где нет колбасы, и буддизме, согласно которому отсутствие колбасы – благо. Но мистика - лишь фон книги, позволяющий читателю узнать как старцы Шамбалы подселили добродушного пса Жирика в тело к Владимиру Чирковскому, а получившийся в результате Чирик стал видным российским политиком.

Большая часть текста излагается от лица собаки, интересны ее ощущения в человеческом теле, с юмором описано собачье восприятие людей и политики.

Персонажи: пес Жирик и Владимир Львович Чирковский, (вместе – ЧИРИК), собаки, несколько тибетских лам, демонов и похожие на российских политиков 90-х годов люди.

ISBN 978-5-458-78214-2

© Издательство Буквика, 2013
© Олег Соловов, 2013

Часть 1.

Ночь выдалась трудная. Бездомные дворняжки так и лезли. Приходилось неоднократно подниматься, поочередно подходить к гаражным воротам и входной двери, и усиленно лаять, помогая Пирату защищать дом. Лишь утром удалось уснуть в зале, растянувшись перед телевизором. Спал глубоко и сытно – снились сочные шкурки. Такого сладко похрапывающего, да еще чавкающего во сне меня нашел хозяин. Он разбудил меня словами:

– Жирбан, вон твоего бывшего соседа показывают, Владимира Вольфовича. Смотри, Жирик. Ну и чешет он – точно язык без костей.

«Что это еще за сосед такой», – подумал я, плохо соображая спросонья. – «К тому же Вольфович». Заинтересовался и посмотрел в телевизор. На собаку этот Вольфович похож не был. Но не удивляйтесь. Он был похож на меня. А я – на него. Почему так – история долгая.

Давно это было. Но помню. Нас было шестеро. Плюс мама – большая собака, от брюха которой можно было покорчиться. Вначале было хорошо. Уткнемся к ней в брюхо, сосем и дремлем. Потом стало тесно. И молока на всех хватать перестало. Мы начали ходить на поиски другой еды. Комната была тесная и грязная. Иногда еда в ней обнаруживалась. Тот, кто находил ее первый, хватал и пытался прятаться. Другие отбирали. Мне не всегда доставалось. Иногда приходилось засыпать голодным.

Потом пришли они. Двое, один побольше и взрослый, другой поменьше, еще почти мальчик. Тот, который побольше посмотрел на наш выводок и позвал: – Жирик. Я понял, зовут меня. Приведя хвост в рабочее положение и усиленно им, размахивая, я подбежал. Он взял меня на руки и спросил: «Ты – Жирик»? От него пахло собакой и едой. Я понял, что он – Хозяин. А я – Жирик. И мы поехали домой.

Пока ехали, молодой хозяин держал меня на руках. Было ласково. Я немного поегозился и стал смотреть по сторонам. Все вокруг было новое и непонятное. Впечатления улицы переполнили мою голову, и я задремал. Проснулся уже в доме. Молодой хозяин спустил меня на пол. Комнаты были большие, и их было много. Пол был чистый. Я пошел осмотреться. Обнаружил миску с молоком. Возле нее никого не было. Не уж-то никто не хочет? Попил. Хозяин сказал: «шкурка» и дал мне кусочек колбасы. Я взял его зубами и по привычке стал искать укромное место. Все вокруг незнакомо, как знать, где безопасно, где не отберут. Побегав с колбасой в зубах, я не удержался (уж очень вкусно колбаса пахла) и начал есть. Съел. В животе образовалась приятная тяжесть. Хозяин с очень довольным видом взял меня на руки и начал говорить что то хорошее. Тяжесть в животе начала давить в сторону хвоста. Я понял, что сейчас произойдет, и попытался сообщить об этом хозяину. Но до него моя речь не дошла. Дошло то, что давило в сторону хвоста. Он спустил меня на пол и пошел мыть руки. Мне стало очень неудобно. Виляя хвостом и пытаясь лизнуть ноги хозяина, я старался загладить вину. Вроде получилось. Хозяин снова взял меня и понес. На улице я увидел очень большую собаку. Больше мамы. Почти с хозяина. Его хвостом меня можно было обернуть как полотенцем, а в его пасть я, наверное, помещусь целиком. Вдруг страшный вопрос затмил все остальные впечатления. Зачем меня несут к нему, к его огромной пасти? – Я ведь маленький, я не нарочно! Но пасть собаки не открывалась, а хвост

добродушно вилял. Подойдя к собаке вплотную, хозяин сказал:

– Вот, Пират, это – новый Жирик. Знакомься. Не выпускай из рук, поднес к Пирату совсем близко. Тот начал меня обнюхивать и показывать, что он рад знакомству.

Когда меня спустили на землю возле Пирата, я уже не боялся. Потрогал его лапой, обнюхал. Понял, что Пират – друг, а хозяин не сердится. Дома мне дали еще колбасы, снова сказав «шкурка». Я уснул, даже не доев колбасу. Спал в запахе колбасы, а в голове звучало это вкусное слово «шкурка». Это было одно из первых слов, которые я запомнил. Слово очень емкое, означало оно всякие вкусные вещи – кусочки колбасы, сыра, сосиски, косточки.

Проснулся я оттого, что запах колбасы исчез. Вместо него рядом со мной была черная кошка с белым галстуком. Она выгнула спину и зашипела на меня. Такое я видел впервые. На всякий случай попятился и попробовал зарычать. Не получилось. Кошка махнула на меня лапой и пошла с видом победителя. Я понял, что не все в этом доме так хорошо. Долго сидел в углу и трусил.

Подошел хозяин. Погладил. Насыпал каких-то зернышек с запахом мяса. Из вежливости я съел несколько. Против колбасы полная гадость. Но настроение улучшилось. Хозяин вынес меня на улицу. Я заковылял по высокой траве. Начал делать пометки – моя территория. Как выяснилось, молока перед сном было выпито недостаточно. Обнаружилось и много чужих меток, как я определил, не Пирата. Возникло чувство беспокойства и опасности. Я очистил живот и понял, что заблудился.

Окрик хозяина «Жирбан» вернул мне ориентиры. Подбежал к нему. Он отнес меня в дом. Здесь все было уже хоть немного знакомо. Я сам нашел тарелку с едой и подкрепился. Тарелку я определил как центр, главную точку дома. Стараясь не терять ее из виду, я начал изучать окрестности. Обна-

ружил много новых, но вроде нестрашных предметов и запахов. Но ничего из прошлой жизни. От этого, и от усталости я затосковал и уснул.

Постепенно я привыкал к новой жизни. В целом, все сложилось неплохо. С кормежкой было очень даже недурно – в тарелке всегда каша, давали и шкурки. Хозяева относились ко мне хорошо. Гладили по спине, почесывали брюхо и за ушами. Дом просторный, чистый. Гулять выпускали часто, в большой загон. Туда же во время прогулки выносили миску с едой. Однако, первое время, меня постоянно норовила обидеть Катя, так звали черную кошку. Отбирала шкурки, отталкивала от тарелки, шипела, всем своим видом показывая, что она здесь главная, а я – так себе. Но это пока я был совсем маленький, меньше ее. Потом, когда я подрос, мой лай стал гораздо громче ее шипения, и я стал гонять ее по дому, таскать за хвост, несильно покусывать. Сообразив, что власть переменялась, она стала стараться наладить отношения. Ласково мяукала, рассказывая, какой я сильный и красивый приносила мне мышей и птиц. Я не злопамятный, мышей, конечно, не ел, но и угнетать ее не по делу перестал. Позволял даже спать на моей спине, и делать мне массаж лапами, что ей очень нравилось. Не позволял только брать шкурки и лезть вперед меня в тарелку.

Со вторым псом в доме – Пиратом мы подружились сразу. Его характер не совсем соответствовал породе – будучи достаточно чистой кавказкой овчаркой – этот огромный пес по отношению к своим был очень добродушным. Жил он в большой конуре из пустых бутылок с деревянным полом. Над конурой был навес, вокруг нее – деревянный настил. Жить в таких условиях было бы совсем не плохо, если бы не цепь. Пират был постоянно привязан, цепь ограничивала его передвижения. Лишь изредка его отпускали побегать по участку. В эти моменты он отыгрывался за недели привязанной жиз-

ни. Зрелище огромного белого пса, густая и длинная шерсть которого играла на бегу волнами, а метровый хвост крутился пропеллером, было красивым. Пират принял меня как младшего брата, опекал от неожиданностей, учил азам охранной службы и всяким житейским вещам. Позволял нападать на себя, покусывать. Он и сейчас в несколько раз крупнее меня, а тогда я, что называется, под ним пешком ходил. Понимая это, Пират очень аккуратно оборонялся от моих атак, стараясь не причинить мне вреда. Единственное, что он не позволял – это залазить в его тарелку.

Мои ощущения и мысли в то время были крайне примитивными. Попробую воспроизвести их. «Раздался волнующий звук разрезаемой колбасы. Подбегаю. Хозяин ест колбасу, а мне дает оболочку. Это шкурка. Вкусно. На улице кто-то передвигается. Пират прямо-таки рвется с цепи. Я должен бежать к двери и громко лаять. Хотя неохота. Но служба есть служба. Подбежал. Дверь не дает выйти на улицу. Ну и хорошо. А то там мокро и грязно. Полаял через дверь. Прохожий ушел. Не зря я старался. Возникают мысли о колбасе. Непонятно, есть привычка – старайся, служи – будет колбаса. И я стараюсь. А колбаса бывает не всегда. Иногда бывает – вкусная, круглая. Но чаще – дырка от колбасы. Она даже не пахнет.... Полежу, отдохну. «Жирик» – зовет хозяин. Раз зовет – надо идти. Это тоже служба. Подбегаю, а колбасы опять нет. Но чешет за ухом. Это тоже неплохо. Облизываю ему руки... Погонял муху. Обнаружил шкурку. Висит высоко. Надо прыгать. Прыгаю. Шкурка – тоже. Я – вверх, она – вверх. Поймал шкурку. Вкусно. Бывает, шкурки сыплются помногу. А бывает – их нет долго. Вот бы знать – почему? Тарелка друга Пирата. В ней вкусная косточка. Сую морду. Отлетаю далеко. Ему что – жалко!? Лег на спину. Замахал ногами. Почесал за ухом. Хорошо когда наешься. Вздремну. Сплю около хозяина и телевизора. Слышу шлепок. Хозяин что-то бросил. Что? Может шкурку? Перестаю храпеть, поднимаю голову и огля-

дываюсь. Не видно. Принюхиваюсь. Шкуркой вроде не пахнет. Но что же хозяин бросил? А вдруг? Если не я – то Катя. Тут расслабляться нельзя. Но очень не хочется вставать. Еще раз принюхиваюсь и оглядываюсь. Признаков шкурки вроде нет. С беспокойной душой опускаю голову и засыпаю. Начинается приятный сон, но в этот момент слышу, как Катя хрустит зубами – жрет шкурку. Вот сволочь. Кидаюсь и отбираю остатки. Да, лень и шкурки несовместимы».

Щенки растут быстро, чау-чау – особенно. Первое время меня еженедельно взвешивали при помощи контарика. Я, к удовольствию хозяев давал почти по килограмму привеса в неделю. К семи-восьми месяцам достиг веса и размеров взрослого чау-чау. Это примерно соответствует среднему барану. Вместо щенячьего серо-желтого подшерстка я покрылся густой и длинной роскошной рыже-коричневой шерстью. Я усвоил, где и когда надо совершать свой туалет, научился понимать все необходимые для меня команды хозяев. Вместо отгороженного небольшого вольера гулял теперь по всему участку, и он не казался мне огромным. Постепенно во мне просыпались и внутренние черты, свойственные моей породе. Я начал становиться уравновешенным, важным и стабильным. Проявилась и такая черта чау-чау как склонность к бродяжничеству (так ее определяют в книгах про собак) или прогулкам без поводка и хозяина за пределами участка (так ее определил бы я).

Собственно тяга к свободе у меня проявилась еще в ранне-щенячьем возрасте. Уже тогда я чувствовал, что при всем благополучии моей жизни в новом доме что-то было не так. И это была не тоска по старому дому, по маме и братьям. Их я забыл по-младенчески быстро. Играя с хозяином, Пиратом, бегая по загону, даже поедая шкурки, я чувствовал, что чего-то не хватает. Чего именно я понял когда, отломав мордой и лапами одну из палок ограждения моего первого вольера, я вырвался из него. Вокруг открылся простор. Я смело и весе-

ло ринулся в неизвестность. Не стало поводка, ограды. Душу наполнило чувство свободы. Оно выходило наружу веселым тьявканьем. Побегав среди кустов и увидев хозяина, я радостно подбежал к нему. Мне казалось, что он разделит мой восторг. Но он сердито взял меня за шкурку и отнес в дом, несколько раз повторив «Нельзя». Тогда со мной стали проводить воспитательную работу. Хозяин говорил мне о том, что, убежав, я могу заблудиться, меня могут украсть. Пират рассказал мне историю первого Жирика. Его сбила машина на улице. Умом я согласился, что убежать нельзя. Пообещал, что не буду этого делать.

Но ведь сердцу не прикажешь. Совершая большой обход участка, я всегда неосознанно искал в заборе дырку. Иногда находил. Голова сама просовывалась в нее, и как только (а, наверное, и раньше) хвост, распрямленный узким отверстием, вновь ложился на спину, ноги уносили меня в даль свободы. Свобода затуманивала мозги. Даже если меня догонял крик хозяина: «Жирбан, домой», я оборачивался на его зов и с повернутой назад головой бежал дальше.

Когда наступила зима, я счел это время года самым приятным. Везде бело и чисто, всякая шелуха не цепляется. Не жарко. Можно копать во всем огороде, не боясь испачкаться и повредить растения. Легче охранять участок – все посторонние следы хорошо видны. Я весело бегал по огороду изрезая сугробы боевыми тропами. Возросли возможности удиранья: я подрост, а сугробы местами почти сравнялись с забором; теперь я мог легко перепрыгивать через него.

Гуляя на свободе, я изучил деревню. Она была достаточно большой – несколько сотен домов. В ней было несколько частей, отделенных друг от друга оврагом и небольшими рощами. Заметно различалась старая деревня с маленькими, вросшими в землю избышками, и новая, застроенная большими домами. Почти в центре деревни находилось озеро. Летом в хорошую погоду на его берегу отдыхала масса приезжих из города. За-

стройка новой части деревни была неравномерной. Между несколькими обжитыми главными улицами находились заросшие бурьяном пустыри. Много было и нежилых, недостроенных зданий. На пустырях и брошенных домах обитала масса бродячей живности – собак и кошек. Псы встречались самые разные. Огромные, размером с Пирата, и совсем маленькие шавки, не крупнее кошки. Породистые – вымой их, расчеши – и хоть на выставку, и собаки непонятного происхождения – что называется помеси бульдога не то с носорогом, не то с тараканом. Некоторые, недавно брошенные или потерявшиеся, ходили в ошейниках, другие, и их большинство, никогда его на себе не носили. Кормилась вся эта свора отбросами из домов, остатками с пикников, устроенными приезжими из города людьми, а также с находившейся недалеко от деревни городской свалки. Бродячие псы были объединены в несколько стай со своими вожаками и ареалами кормежки. Нередко между ними вспыхивали индивидуальные и коллективные драки.

Наши отношения с бродячими собаками складывались по-разному. Некоторые всегда были злобными и агрессивными по отношению к нам, другие – напротив, старались показывать уважение и доброжелательность. Они как бы и помогать нам старались, облаивали прохожих или, гавкая бегали за проезжающими мимо домов автомобилями. Таким мы позволяли приближаться к забору и даже поедать остатки пиратовской еды. Отношение к нам бродячих псов менялось по мере удаления от дома, чем дальше, тем меньше уважения.

Однажды я сцепился с бродягами. Благополучно удрав, я с важным видом прогуливался вдоль лесополосы. Был солнечный зимний день. После недавнего снегопада все было бело и чисто. На таком фоне моя роскошная ярко-рыжая шуба смотрелась особенно выигранно. Невдалеке я заметил сучку. Она была бродяжкой потрепанного вида и вряд ли заинтересовала бы меня, если бы не запах. Запах, который пробудил во мне основной инстинкт. Я подбежал к ней, мы